

Л. А. ДМИТРИЕВ

Н. М. Карамзин и «Слово о полку Игореве»

Имя Н. М. Карамзина в связи со «Словом о полку Игореве» неоднократно упоминалось в исследовательской литературе либо при рассмотрении вопроса об истории открытия рукописи памятника, либо при изучении его первых переводов, либо в текстологии «Слова о полку Игореве». В последнее время появились и специальные работы, посвященные теме «Карамзин и „Слово о полку Игореве“». В 1951 г. в «Трудах Отдела древнерусской литературы» была напечатана статья В. И. Стеллецкого о переводе «Слова о полку Игореве» на современный русский язык в «Истории государства Российского» Н. М. Карамзина.¹ В статье Боню Ст. Ангелова «Заметки о „Слове о полку Игореве“»² имеется раздел «Карамзин и „Слово о полку Игореве“», в котором автор рассматривает выписки Карамзина из древнерусского текста «Слова» и отношение его к рукописи памятника. Однако до сих пор не было предпринято сколько-нибудь полной попытки подробно рассмотреть все материалы о «Слове», встречающиеся в сочинениях Карамзина, и дать им оценку в связи с историей открытия рукописи «Слова» и первоначальной работой над «Словом о полку Игореве». Выписки Карамзина из текста «Слова» дают разночтения с текстом «Слова» по первому изданию, но до настоящего времени характер этих разночтений не был проанализирован в сопоставлении их с текстологическими приемами Карамзина и первых издателей «Слова о полку Игореве». Предлагаемая статья и ставит своей целью осветить все эти вопросы.

В 1797 г. в октябрьском номере гамбургского журнала «Spectateur du Nord» была опубликована за подписью «NN» заметка «Lettre au Spectateur sur la littérature russe». Заметка эта принадлежала перу Н. М. Карамзина. В ней, в частности, сообщалось, что «два года тому назад в наших архивах был обнаружен отрывок из поэмы под названием Песнь воинам Игоря» («Die Chant des guerriers d'Igor»).

По всей видимости, это сообщение Карамзина о «Слове» написано было не в результате его знакомства с рукописью памятника, а на основе одного из списков перевода «Слова» на современный русский язык, которые, как известно, встречались уже до выхода в свет первого издания «Слова о полку Игореве». До нас дошло три перевода «Слова», предшествовавших переводу первого издания, — это перевод «Слова» в бумагах Екатерины II, перевод в бумагах А. Ф. Малиновского и перевод, дошедший до нас в трех списках XVIII в. В бумагах Екатерины и в бумагах Малиновского перевод «Слова» никак не озаглавлен. Перевод, дошедший до нас в трех списках, имеет заглавие «Песнь полку Игореве». В письме

¹ В. И. Стеллецкий. Перевод «Слова о полку Игореве» Н. М. Карамзина. — ТОДРА, т. VIII. М.—Л., 1951, стр. 68—70.

² ТОДРА, т. XVI. М.—Л., 1960, стр. 50—59.

³ Л. А. Дмитриев. История первого издания «Слова о полку Игореве». М.—Л., 1960, стр. 269—368.

в «Spectateur du Nord» Карамзин называет «Слово» «Песнью». Вероятнее всего, что это восходит к заглавию перевода XVIII в. В своей следующей статье, посвященной «Слову о полку Игореве», — в очерке о Бояне в «Пантеоне российских авторов» Карамзин уже пишет «Слово о полку Игореве». В «Истории государства Российского» всюду, без исключения, Карамзин употребляет только название «Слово о полку Игореве», хотя, как известно, первое издание имело заглавие «Ироическая песнь о походе на половцов удельнаго князя Новагорода Северскаго Игоря Святославича».

У нас имеется убедительное свидетельство того, что Карамзину был известен перевод «Слова о полку Игореве» того вида, который дошел до нас в трех списках XVIII в. В двух списках этого перевода перед вступительной статьей «Историческое содержание сей поэмы» читается небольшое письмо какого-то лица кому-то, послывавшего интересующий нас перевод. В этом письме имеется такая фраза: «В переводе ж сем не сохранено ни оригинальности древняго, ни ясности нынешняго диалекта; то в рассуждении сего и хотелось мне очистить его от всех пустяков, сделать приятным для чтения и в примечаниях объяснить обстоятельства историческия; но оригинал затерялся у Николая Михайловича, а у меня также был список перевода, несколько уже выправленной».⁴ Все исследователи, останавливавшиеся на этом переводе, считают, что под Николаем Михайловичем имеется в виду Н. М. Карамзин.

В своем письме в «Spectateur du Nord» Карамзин высказывает самое общее мнение о «Слове». Создается даже впечатление, что в то время, когда он писал это письмо, у него не было перед глазами «Слова» и говорил он о нем лишь по памяти. Пересказывая своими словами фразу оригинала «О Бояне, соловію стараго времени! абы ты сіа плъкы ущекоталь, скача славню по мыслену древу...» («Ах, я чувствую, что кисть моя слаба и бессильна; я не обладаю талантом великого Баяна — соловья минувших времен»), Карамзин пишет, что автор произведения восклицает это, «рисую картину кровавой битвы». На самом же деле это обращение автора «Слова» к Бояну находится в начале памятника, в рассказе о сборах в поход, где пока еще ни о каких «картинах кровавой битвы» речи нет. По-видимому, в это время, в 1797 г. (а может быть, письмо было написано и раньше, а напечатано в этом году), Карамзин имел о «Слове» самое общее представление и мало им интересовался.

Некоторые исследователи «Слова» считают, что представление о «Слове о полку Игореве» как произведении оссиановского духа, господствовавшее в начале XIX в., восходит к высказыванию по этому поводу Н. М. Карамзина в письме 1797 г. Едва ли это так. Наибольшее увлечение Карамзина Оссианом наблюдалось в 80-х годах XVIII в. К концу 90-х годов отношение его к Оссиану стало более умеренным.⁵ И в письме в «Spectateur» Карамзин, сравнивая «Слово» с Оссианом, делает это не потому, что видит внутреннюю общность между «Словом» и Оссианом, а для того, чтобы подчеркнуть значение и важность найденного древнерусского произведения: «... в наших архивах был обнаружен отрывок из поэмы под названием „Песнь воинам Игоря“, который может быть поставлен наряду с прекраснейшими произведениями Оссиана». Поэтому у нас нет основания считать, что сравнение «Слова» с Оссианом в предисловии к первому изданию «Слова о полку Игореве» восходит к письму Карамзина. В первом издании подчеркивается внутренняя, по мнению автора

⁴ Там же, стр. 335—336.

⁵ В И Маслов. Оссианизм Карамзина. Прилуки, 1928, стр. 16.

предисловия А. Ф. Малиновского, общность «Слова» и Оссиана: «В сем оставшемся нам от минувших веков сочинении виден дух Оссианов». Необходимо отметить, что если в статье о Бояне в «Пантеоне российских авторов» Карамзин, подчеркивая значимость «Слова», вновь сравнивает его с Оссианом («древнее русское сочинение, достойное Оссиана»), то уже в «Истории государства Российского», специально останавливаясь на характеристике «Слова», он совершенно не упоминает имени Оссиана.

В статье о Бояне в «Пантеоне российских авторов», вышедшей в свет уже после опубликования первого издания «Слова о полку Игореве» — в 1801 г., Карамзин уже точнее, чем в 1797 г., цитирует текст «Слова о полку Игореве»: «Автор неизвестен, но в начале своей песни он именует другого песнопевца, Бояна, славит его дарования и называет Соловьём древних лет» («О Бояне, соловью стараго времени!»).

И письмо 1797 г., и статья о Бояне писались Карамзиным в тот период его творческой биографии, когда он еще активно занимался литературной деятельностью и только начинал подготавливаться к самому важному и большому труду всей своей жизни — созданию «Истории государства Российского». В этот период «Слово» волновало и интересовало Карамзина главным образом как счастливая находка произведения, свидетельствующего о том, что и на Руси уже в XII в. были литературные произведения, по своим поэтическим достоинствам могущие смело соперничать со столь нашумевшими незадолго до этого на Западе «древними» поэмами Оссиана-Макферсона. Для Карамзина в это время «Слово» представляло интерес не столько даже само по себе, сколько своим свидетельством о Бояне, т. е. свидетельством того, что уже до автора «Слова» «в России были великие поэты, творения которых поглощены временем!». И, по существу, первые высказывания Карамзина о «Слове» основное внимание обращают на Бояна, а не на само «Слово». Замечательно в этом отношении то, что в «Пантеоне российских авторов» Карамзин помещает статью о Бояне, а не об авторе «Слова».

В «Истории государства Российского» «Слову о полку Игореве» Карамзин уделяет очень много внимания. Здесь уже отразились и иные интересы, и иной подход Карамзина к «Слову».

В III томе своей «Истории», в заключающей обзорной — VII — главе «Состояние России с XI до XIII века», в разделе «Поэзия», Карамзин дает общую характеристику «Слова о полку Игореве» и пересказывает все содержание памятника. По существу это перевод-пересказ «Слова»: передавая развитие сюжета своими словами, он попутно приводит в своем собственном переводе отдельные отрывки древнерусского текста.

Карамзин говорит, что «Слово о полку Игореве» было написано в конце XII в., «без сомнения, мирянином». Он считает «Слово» в поэтическом отношении подражанием «древнейшим русским сказкам о делах князей и богатырей». Карамзин называет «Слово» «в своем роде единственным для нас творением», так как большинство древних поэтических произведений «исчезли в пространстве семи или осьми веков, большею частью памятных бедствиями России: меч истреблял людей, огонь — здания и хартии».

Помимо этого раздела «Истории государства Российского», посвященного «Слову о полку Игореве», в первых трех томах «Истории» рассеяны многочисленные отдельные замечания по тексту «Слова» и выписки из памятника. Эти материалы представляют для нас еще больший интерес.

Непосредственно работой над «Историей государства Российского» Карамзин занялся с конца 1803 г. К началу 1805 г. он закончил I том. Уже в этом томе встречаются замечания по «Слову о полку Игореве» и выписки из текста.

Работая над «Историей», Н. М. Карамзин широко пользовался рукописными источниками, и в частности рукописями из собрания А. И. Мусина-Пушкина. Как сообщил Р. Ф. Тимковский со слов К. Ф. Калайдовича, Карамзин не только видел и пользовался рукописью «Слова», но даже сверял эту рукопись с первым изданием «Слова»: «1814 года, октября 21 дня, слышал я от К. Ф. Калайдовича ... что по сделанному им, Н. М. Карамзиным, сличению, оказалось, что Песнь о походе кн. Игоря со всею точностью напечатана против подлинника, выключая слов: вечи Трояни, вместо которых в подлиннике стоят: сечи Трояни. Касательно же поставленного в скобках слова: Олега, на 6 стр., то это учинено для большей ясности речи».⁶ 272-е примечание в III томе «Истории» свидетельствует о том, что Н. М. Карамзин делал выписки из сборника, в котором находилось «Слово о полку Игореве»: «В той же книге, в ксей находится Слово о полку Игореве (в библиотеке графа А. И. Мусина-Пушкина), вписаны еще две повести: Синагрипъ, царь Адоровъ, и Двѣяние прежнихъ временъ храбрыхъ человекъ. Они, без сомнения, не русское сочинение, но достойны замечания по древности слога. Первая сказка начинается так...».⁷

Всего Карамзиным сделано 17 выписок из древнерусского текста «Слова», в которых, в общей сложности (исключая повторяющиеся тексты), имеется немногим более 200 слов. Из этого количества слов в ином чтении, чем в первом издании, у Карамзина встречается 33 написания. Перечислим их, давая в параллельном чтении сравниваемые слова в первом издании и в выписках Н. М. Карамзина:

1-е издание

Выписки Карамзина

1. а мои ти Куряни	а мои Куряне
2. на храбрѣя плѣкы	на полкы
3. Святоплѣкъ	Святоплкъ
4. повелѣя	по сѣчѣ я
5. Угорьскими	Угорскими
6. Святѣй Софiи	св. Софiи
7. Кiеву	Кыеву
8. въспѣша	вспѣша
9. на брезѣ синему морю	на брезѣ синяго моря
10. Святславъ	Святославъ
11. Уримъ	у Римъ
12. кричатъ	кричатъ
13. Володимиръ	Володимеръ
14. по резанѣ	по рѣзани
15. въ злата стремь	въ златый стремь
16. Осмомыслѣ	Осмомысле
17. плѣкы	плѣкы
18. затвори въ Дунаю	затвори къ Дунаю
19. времена	бремены
20. текутъ	текутъ
21. отворяеши	отворяеши
22. Кiеву	Кыеву
23. многи страны Хинова. Литва...	многи страны. Литва...
24. повръгоща	повръгоша
25. харалужныи	харулужныи
26. Инъгваръ и Всеволодъ	Ингваръ, Всеволодъ
27. три Мстиславичи	три Мстиславича
28. течеть	течетъ
29. вѣчи Трояни	сѣчи Трояни

⁶ Н. Полевой. Любопытные замечания к Слово о полку Игореве. — Сын отечества. М., 1839, т. 8, отд. VII, стр. 20.

⁷ Н. М. Карамзин. История государства Российского, т. III. СПб., 1816, стр. 537. Как здесь, так и в дальнейшем все выписки и цитаты из «Истории государства Российского» даются по первому изданию.

Прежде чем давать оценку выпискам Карамзина из текста «Слова» в сопоставлении их с первым изданием, необходимо посмотреть, как вообще Карамзин цитирует древнерусские тексты в «Истории государства Российского». Сравнивая цитаты Карамзина из древнерусских текстов с теми рукописями, из которых им были взяты эти цитаты, нетрудно убедиться, что текстологические приемы автора «Истории государства Российского» в целом очень близки к приемам передачи древнерусских текстов первыми издателями «Слова о полку Игореве», которые были изучены Д. С. Лихачевым.⁸ В общих чертах приемы эти могут быть охарактеризованы как стремление приноровить древнерусские написания к орфографической системе своего времени. Вне зависимости от времени рукописи Н. М. Карамзин раскрывает титла, вносит в строку выносные буквы, Ѧ в зависимости от смысла слова передает как «у» или «ю» (сѡщюу → сушу — из Остромирова Евангелия; л ѡ бо → любо — из Изборника 1073 г.). В предлогах и на концах слов в соответствии с орфографическими нормами своего времени ставит «ъ» и в тех случаях, когда в оригинале этого нет: в домъ → въ домъ, от Волхова → отъ Волхова (из грамоты Антония о купле земли у новгородских посадников); Олег → Олеть (из Лаврентьевской летописи). Согласно орфографическим правилам начала XIX в., «и» оригиналов заменяется «і»: е улие → Евангеліе, бѣию → божію, въ крще́нии Иосифъ а мирьскы Остромирь → въ крще́нии Иосифъ, а мирьскы Остромирь (из Остромирова Евангелия). В соответствии с орфографическими нормами своего времени Н. М. Карамзин заменяет «е» на «ѣ», «ь» на «ъ» и наоборот: прѣдрѣжящюу → прѣдрѣжящу (из Остромирова Евангелия); прѣмѣноу → прѣмѣну, прѣдѣ → прѣдъ (из Изборника 1073 г.); имь → имъ, на мѣсте семь → на мѣстѣ семь, дѣти → дѣтей (из грамоты Антония).

Довольно часто встречаются у Н. М. Карамзина и более существенные поновления написаний цитируемых текстов: князюу → Князю, князь → Князь, правлааше → правляаше (из Остромирова Евангелия); пречистые → Пречистыя, от рекѣ → отъ рѣки, а коровѣмъ → а коровымъ, внишь → внизъ, хто → кто (из грамоты Антония); оучить → учти, ся хабить → ся хабити, възмете → взмете, възми → взми (из Вопросения Кирикова); на Олговичѣ → на Ольговичи, стояше → стояша, придоша → придоша, другии → другой, обоиду остро → обоюду остро, Фаравонѣ → Фараонѣ, область Еюпетскую → область Египетскую (из Лаврентьевской летописи).

Наконец, в цитируемых Н. М. Карамзиным текстах могут быть отмечены и пропуски и такие перемены написаний, которые изменяют смысл оригинала: Почахъ же е писати → Почахъ е писати; близокоу сѡщюу Изяславоу князюу → близоку сущу Изяславоу Князю (из Остромирова Евангелия); Купилъ еси землю... у Смехна да у Прохна → Купилъ еси землю... у Смехна и у Прохна, от рекѣ от Волхова Виткою ручьемъ вверхъ да на Лющикѣ → отъ рѣки отъ Волхова Виткою ручьемъ вверхъ до Лющикѣ (из грамоты Антония); і намъ мнѣ → и на мнѣ, дажь → да аже (из Вопросения Кирикова); яко при Фаравонѣ дри Еюпетстьмъ еда приведоша Моисѣя прѣдъ Фаравона и рѣша старѣшина Фараона → яко при Фараонѣ: еда приведоша Моисея прѣдъ Фараона и рѣша старѣишины; призва Путшю и Вышегородскыѣ болярцѣ → призва Вышегородскыѣ Болярцѣ; везоша и и положиша и → везоша и положиша и (из Лаврентьевской летописи).

⁸ Д. С. Лихачев. История подготовки к печати текста «Слова о полку Игореве» в конце XVIII в. — ТОДРА, т. XIII. М.—Л., 1957, стр. 66—89.

Наблюдения над текстологическими принципами, которыми руководствовался Н. М. Карамзин при цитировании древнерусских текстов вообще, позволяют дать наиболее точную и объективную оценку его выпискам из «Слова о полку Игореве». В 1-м, 2-м, 23-м и 27-м примерах у Карамзина по сравнению и с первым изданием «Слова», и с Екатерининской копией имеются пропуски. Зная, что Карамзин иногда при цитации текстов допускал пропуски отдельных слов, никак не оговаривая и не отмечая этого (при значительных пропусках Карамзин обычно ставит многоточия), мы имеем все основания думать, что и в выписках из «Слова» перед нами также пропуски Карамзина, а не более точное отражение написаний рукописи. Издавая специально текст «Слова о полку Игореве», первые издатели, без сомнения, старались воспроизвести рукопись с наибольшей точностью и едва ли могли вставлять что-либо от себя. Напомним, что сам же Карамзин, говоря о воспроизведении в первом издании древнерусского текста, отметил лишь одну вставку в тексте от издателей — поставленное в скобках имя «Олег» на стр. 6.

Выявив тенденцию Карамзина приводить отдельные написания древнерусских текстов в соответствии с правилами современной ему орфографии, мы должны признать, что в ряде случаев в выписках из «Слова» Карамзин, по всей видимости, следовал именно этой тенденции. В первом издании «Слова о полку Игореве», как отметил в упомянутой выше работе Д. С. Лихачев, издатели, придерживаясь текстологических приемов, практиковавшихся в других изданиях А. И. Мусина-Пушкина, изменяли древнерусские написания согласно правилам орфографии конца XVIII—начала XIX в. Но наряду с этим в первом издании проявилось стремление издателей передать древнерусский текст памятника с наибольшей точностью. Эти две противоположные тенденции и определили текстологические особенности первого издания «Слова о полку Игореве»: первое издание точнее, чем Екатерининская копия, воспроизводит текст рукописи «Слова», однако в целом ряде случаев мы встречаем и в первом издании чтения, явно продиктованные орфографическими правилами конца XVIII в («ъ» в конце предлогов и в окончаниях слов на твердую согласную, употребление «і» и «ѣ» в соответствии с нормами XVIII столетия и некоторые другие). Исходя из этих особенностей первого издания «Слова о полку Игореве», мы можем предполагать, что чтения первого издания, противоречащие орфографическим правилам конца XVIII в., отражают написания рукописи. Поэтому в тех случаях, когда в первом издании то или иное написание не отвечает правилам орфографии конца XVIII—начала XIX в., а у Карамзина это же слово дано в форме, соответствующей правилам орфографии этого времени, у нас есть все основания считать, что чтение первого издания точнее передает текст оригинала, чем выписки Н. М. Карамзина. И наоборот, в тех случаях, когда у Карамзина форма того или иного слова в выписках противоречит современной Карамзину орфографии, а в первом издании соответствующее слово читается согласно орфографическим правилам конца XVIII—начала XIX в., мы можем оценивать чтения Карамзина как чтения, точнее, чем первое издание, воспроизводящие написания оригинала.

Исходя из сказанного выше, такие формы в выписках Карамзина, как «Куряне» вм. «Куряни» (1-й пример), «синяго моря» вм. «синему морю» (9-й пример), «Святославъ» вм. «Святславъ» (10-й пример), «златый» вм. «Злата» (15-й пример), «отворяши» вм. «отворяеши» (21-й пример), «Мстиславича» вм. «Мстиславичи» (27-й пример), должны быть признаны как чтения, измененные Карамзиным, а не как чтения, более точно, чем первое издание, воспроизводящие рукопись «Слова». Также более далекими

от подлинника, чем чтения первого издания, должны быть признаны следующие разночтения Карамзина. «Св.» вм. «Святѣй» (6-й пример) — такое сокращение постоянно употребляется Карамзиным в цитатах из древнерусских текстов. В 8-м и 26-м примерах у Карамзина отсутствует «ъ» в середине слов. В целом ряде случаев в цитатах из древнерусских текстов Карамзин опускает редуцированные в середине слов: «кнѣязоу» → «кнѣязю» (Из Остромирова Евангелия), «всья» → «вся» (из Изборника 1073 г.), «възмете» → «взмете» (из Вопрошения Кирикова). Таким образом, и в выписках из «Слова» отсутствие «ъ» в середине слов скорее всего объясняется не тем, что эти слова так были написаны в рукописи, а тем, что так передал их Карамзин. В примерах 12, 20 и 28 в глаголах после конечного «т» у Карамзина поставлен «ь». Возможно, что это не более точное, чем в первом издании, воспроизведение написаний рукописи, а изменения Карамзина. При цитировании грамоты Антония Карамзин в глаголах конечное «тъ» переделывает на «ть»: «хто на сию землю наступитъ, а то управитъ» → «кто на сию землю наступит, а то управитъ». По всей видимости, и написание «Угорьскими» у Карамзина вм. «Угорьскими» первого издания (5-й пример) должно объясняться особенностями передачи Карамзиным древнерусских текстов: мягкое «р» в середине слов Карамзин, как можно судить по его цитатам из древнерусских текстов, заменяет твердым: «прѣдрѣжящоу» → «предрѣжящу» (Из Остромирова Евангелия); «Изборьстѣ» → «Изборстѣ», «Козарьстѣи» → «Козарстѣи» (из Лаврентьевской летописи). В 4-м примере Карамзин дает не чтение рукописи, а свою конъектуру, о чем можно судить по его объяснению этого чтения: «Издатели не угадали истинного смысла сей речи, где есть описка: „по вѣле я“, вместо „по съчѣ я“, то есть взяла» (т. III, прим. 268). Такого же типа и чтение Карамзина в 11-м примере: Карамзин дает не иное написание, а иное прочтение и е, чем в первом издании, более верное.

Итак, из всех разночтений, имеющих между выписками Карамзина из «Слова» и текстом «Слова» по первому изданию, как о разночтениях, более точно передающих текст памятника, мы можем говорить, более или менее уверенно, лишь о 13 случаях: примеры 2, 3, 7, 13, 14, 16, 17, 18, 19, 22, 24, 25 и 29.

Какие же можно сделать выводы из всего сказанного выше?

Расхождения в написании отдельных слов в выписках Карамзина по сравнению с текстом первого издания дали основание высказать Е. В. Барсову такое мнение: «Хотя Карамзин и заявил, что рукопись напечатана со всею точностью, но из приведенных нами выписок самого Карамзина в сравнении с печатной копией „Слова“ очевидно, что это свидетельство его может относиться лишь к смыслу и словам подлинника, а отнюдь не к буквальной точности его издания. Собственные выдержки Карамзина из той же рукописи расходятся в этом отношении с изданием Малиновского. Отсюда должно следовать одно из двух: или то, что сам Карамзин не строго относился к букве рукописи, или же то, что рукопись напечатана далеко не с тою точностью, какую находил он в этом издании».⁹ Анализ текстологических приемов Н. М. Карамзина свидетельствует не о том, что он «не строго относился к букве рукописи», а о том, что в соответствии с текстологическими принципами своего времени Карамзин считал возможным в цитируемые тексты отдельные орфографические поновления. Это не ошибки Карамзина, а определенная система. Поэтому мы с полным доверием можем относиться к заверению Карамзина о точности воспроиз-

⁹ Е. В. Барсов. Слово о полку Игореве как художественный памятник Киевской дружинной Руси, т. I. М., 1887, стр. 99.

ведения в первом издании рукописи «Слова». Вместе с тем еще большее, чем в первом издании, поновление орфографии в выписках Карамзина из «Слова» лишний раз подтверждает отмеченное Д. С. Лихачевым, наряду с желанием придать тексту корректорское единообразие в соответствии с орфографией своего времени, стремление первых издателей воспроизвести в издании подлинник с максимальной точностью.

Помимо непосредственных выписок из древнерусского текста «Слова» и перевода-пересказа памятника в «Истории государства Российского», как уже отмечалось выше, встречаются замечания Карамзина по поводу отдельных мест памятника, толкования некоторых трудно понимаемых отрывков текста, высказывания о переводе и комментариях первого издания «Слова о полку Игореве». Все эти материалы представляют значительный интерес не только для истории изучения «Слова о полку Игореве», но и для полного представления о первоначальной подготовке «Слова» к изданию.

Бесспорность того, что Н. М. Карамзин видел и подробно ознакомился с рукописью «Слова о полку Игореве», сообщение Карамзина о «Слове» задолго до выхода из печати первого издания, большое внимание, уделенное им «Слову» в своей «Истории», — все наводило на мысль о каком-то, хотя бы косвенном, участии Н. М. Карамзина в подготовке первого издания «Слова о полку Игореве». В. Н. Перетц, рассматривая вопрос о подготовке первого издания «Слова», писал по этому поводу следующее: «...безспорно, не перебулося без довідок та поради карамзінєвих».¹⁰ Однако анализ материалов по «Слову» в «Истории государства Российского» в сопоставлении их с первым изданием «Слова» говорит совсем о другом: никакого ни прямого, ни косвенного участия в первоначальной работе над «Словом» А. И. Мусина-Пушкина, А. Ф. Малиновского и Н. Н. Бантыша-Каменского Н. М. Карамзин не принимал.

Об этом свидетельствуют замечания и поправки Карамзина по переводу и комментариям первых издателей. В прим. 420 во II томе Карамзин пишет: «В *Слове о полку Игореве* (стр. 28) сказано: „была бы чага по ногатъ, а Кощей по рѣзани“, то есть: пленницы, жены варваров, продавались бы по ногате, а Отроки их, по резани. Издатели не разумели слова чага, ни Кощей, приняв их за собственные имена». Первые издатели неверно прочли и перевели отрывок «Слова» «Се Уримъ кричатъ подъ саблями Половецкыми»: «Уже кричит Урим под саблями Половецкими»; они считали, что «Уримъ» — имя собственное: «один из воевод или из союзников князя Игоря в сем сражении участвовавший» (прим. «в» на стр. 27). Карамзин совершенно иначе, верно, истолковал этот образ «Слова». В прим. 72 в III томе он писал: «В *Слове о полку Игореве* сказано: „се у Римъ (Ромена ?) кричатъ подъ саблями Половецкыми, а Володимеръ (Переяславский) подъ ранами“; т. е. Половцы рубили жителей Роменских саблями, а раненный Владимир не мог помочь им». К фразе «Слова о полку Игореве» «А ты буй Романе и Мстиславе» в первом издании сделано примечание, из которого вытекает, что это два родных брата, сыновья Ростислава Мстиславича. Это неверно, и Карамзин подробно останавливается на данном примечании первых издателей: «Издатели несправедливо думали, что сей Роман и Мстислав были сыновья великого князя Ростислава. Роман Ростиславич умер около 1175 года (см. выше, примеч. 44), а Мстислав, брат его, — в 1180, июня 14 (см. Новгородск.

¹⁰ В. Н. Перетц. Слово о полку Игоревім Пам'ятка феодальної України-Руси XII віку. У Київї, 1926, стр. 24.

Лет. стр. 44): следственно, автор современный не мог в 1185 году звать их на половцев. Здесь речь о Романе Мстиславиче Волынском или Владимирском (который сделался после Галицким) и двоюродном брате его, Мстиславе, сыне Ярослава Луцкого» (т. III, прим. 266). Из приводившихся выше выписок Карамзина из древнерусского текста «Слова» видно, что Карамзин читал в рукописи не «въчи Трояни», как первые издатели, а «сѣчи Трояни», не «времены», а «бремены», не «затвори въ Дунаю», а «затвори къ Дунаю», считал необходимым внести в древнерусский текст конъектуру «по сѣчѣ я» вместо «повелѣя» Если бы Карамзин каким-либо образом участвовал в первом издании «Слова», то все его прочтения и во всяком случае его правильные толкования явно ошибочных комментариев и осмыслений древнерусского текста первыми издателями нашли бы свое отражение в этом издании.

Кроме этих непосредственных замечаний Карамзина по переводу и комментариям первого издания, собственный перевод Карамзиным «Слова» и его отдельные высказывания комментаторского характера также свидетельствуют о расхождении Карамзина в ряде случаев с первыми издателями.

Уже в своих выписках из древнерусского текста «Слова» Н. М. Карамзин часто делает замечания в скобках, разъясняющие текст произведения «Великій Святославъ изрони злато слово, слезами смѣшено, и рече: о моя сыновчя, Игорю и Всеволоде! рано (не во время) еста начала Половецкую землю мечи (мечами) цвѣлити, а себѣ славы искати» (т. III, прим. 71). В первом издании, в переводе, слово оригинала «рано» оставлено без объяснения «Се у Римъ (Ромена ?) кричать под саблями Половецкими, а Володимеръ (Переяславский) подъ ранами» (т. III, прим. 72). Как уже говорилось выше, «се у Римъ» было прочитано первыми издателями неверно; к имени «Володимеръ» не было сделано никакого примечания. «Галичкы Осмомысле Ярославъ! высоко сѣдиши на своемъ златокованѣмъ столѣ; подперъ горы Угорскыи (Карпатскыи) своими желѣзными плѣкы, заступивъ Королеви (Венгерскому) путь, затвори къ Дунаю ворота, меча (кидая) бремены чрезъ облаки» (т. III, прим. 77). В первом издании, в переводе, «Угорскыи» горы передано как «Венгерскыи» (это правильно, но для современного переводу читателя понятнее было «Карпаты»); о каком короле идет речь, в первом издании ничего не говорилось. «А ты, буй Романе и Мстиславе (брат его)! суть бо у ваю желѣзныи папорзи (верхняя часть брони) подъ шеломи Латинскими. Тѣми тресну земля и многи страны, Литва, Ятвязи, Деремела (один из латышских народов) и Половци сулицы своя повръгоша» (т. III, прим. 114). В первом издании «папорзи» переводится как «латы»; «Деремела» никак не комментируется. «Ингварь, Всеволодъ (братья Мстислава Ярославича) и вси три Мстиславича .» (т. III, прим. 266). В первом издании имена «Ингварь и Всеволодъ» никак не комментируются.

Из приведенных примеров видно, что Карамзин преимущественно вводит дополнительные толкования в цитируемых текстах в тех случаях, когда в первом издании в соответствующем месте нет никаких комментариев или в переводе недостаточно ясно раскрывается смысл оригинала.

Такую же тенденцию — толкование и раскрытие отдельных слов и оборотов «Слова о полку Игореве», оставленных в первом издании без перевода или без комментариев, мы видим в примечаниях Карамзина.

В прим. 205 в I томе Карамзин пишет: «Имя сего бога напоминает слова *ладъ* и *ладить*; в старинных русских песнях ладо значит мужа . . . В *Слове о полку Игореве* Ярославна называет супруга ладою, стр. 38 и 39». В первом издании это слово было осмыслено как прилагательное «ми-

льй», из-за чего все три фразы, где оно употреблено, были переведены неверно:

Текст

Чему мычеши Хиновтскыя стрѣлки на
свою не трудною крилицю на моея лады
вои?

възвелѣй господине мою ладу къ мнѣ

Чему господине простре горячую свою
лучю на ладѣ вои?

Перевод

К чему навеваешь легкими своими
крыльями Хиновския стрелы на милых
мне воинов?

принеси же и ко мне моего милаго.

Но к чему ты так уперло знойные лучи
свои на милых мне воинов?

По всей видимости, Карамзин в этом примечании, говоря о значении слов «ладо» и ссылаясь при этом на «Слово о полку Игореве», имел в виду неправильное осмысление этого термина в переводе первого издания.

Приводя цитату из «Слова», в которой встречается выражение «цвѣлѣти», Карамзин подробно комментирует его: «Цвѣлѣть то же, что *квелить*, — *приводить в слезы, огорчать*. На польском *kwilicisie*, на богемском *kwiljlm* значит *вѣть и плакать*. В Вольтерск. Лет. (в рукописн., стр. 727) сказано: „ати инаа дѣтій не цвѣлѣть“, — вместо: „не оскорбляет“» (т. III, прим. 71) В первом издании «Слова о полку Игореве» этот оборот был переведен иначе: «Игорю и Всеволоде! рано еста начала Половецкую землю мечи цвѣлѣти» → «Игорю и Всеволод! рано вы начали воевать землю Половецкую».

Говоря о выражении «шестокрилицы», Н. М. Карамзин пишет: «„Ингарварь, Всеволодъ (братья Мстислава Ярославича) и вси три Мстиславича, не худа гнѣзда шестокрилицы“. Сравнивая сих трех братьев с пернатыми, он называет их шестокрылыми для того, что у трех птиц шесть крыльев» (т. III, прим. 266). В первом издании слово «шестокрилицы» оставлено без перевода и никак не прокомментировано.

В трех переводах, предшествующих переводу первого издания, «Осмомысл» объяснено как Гостомысл. Эта историческая нелепость (легендарный Гостомысл никак не мог фигурировать в «Слове» как лицо, современное описываемым событиям) была устранена в первом издании, и в переводе было оставлено слово оригинала «Осмомысл», но о том, что должно означать это слово (вероятно, оно и в первом издании воспринималось как имя собственное, так как и в древнерусском тексте, и в переводе набрано с прописной буквы), ничего сказано не было. Карамзин дает объяснение значению этого эпитета. В своем переводе он пишет: «Он (автор «Слова», — Л. Д.) называет Ярослава галицкого Осмомыслом» — и делает к этому месту своего перевода такое примечание: «В том смысле, что его один ум заменял восемь умов» (т. J, прим. 267).

Все сказанное заставляет нас признать, что работа первых издателей «Слова» не была известна Н. М. Карамзину до выхода в свет первого издания, что издатели, подготавливая «Слово» к изданию, не обращались к Карамзину. Более того, у нас есть основания утверждать, что Карамзин, отмечая отдельные недостатки и ошибки первого издания, дополняя и уточняя перевод «Слова» и комментарии к нему, вместе с тем в какой-то мере сам испытал на себе влияние первого издания «Слова о полку Игореве», повторив даже одну ошибку первых издателей.

В первом издании было неверно прочитано и истолковано слово оригинала «кмети» в характеристике Всеволодом своих воинов курян. Первые издатели разделили это слово на два: «а мои ти Куряни свѣдоми къ мети» — и соответственно перевели: «Мои Курчане в цель стрелять знающыи». Карамзин в своем переводе-пересказе «Слова» передает это место

так: «Всеволод изображает своих мужественных витязей: Они метки в стрелянии, под звуком труб повиты» (т. III, стр. 214). Не подлежит никакому сомнению, что в данном случае Карамзин посчитал верным и прочтение, и перевод первыми издателями этого места «Слова о полку Игореве». Позже он догадался, что повторил вслед за первыми издателями их ошибку, и во втором издании своей «Истории» (1818 г.), в переводе, опустил слова «метки в стрелянии»: «Всеволод изображает своих мужественных витязей: „Они под звуком труб повиты...“» (2-е изд., т. III, стр. 219—220). Соответственно был изменен и текст 263-го примечания.

1-е издание

2-е издание

О сем происшествии 1185 года см выше, стр. 64.

О сем происшествии 1185 года см. выше, стр. 65. — Всеволод, хвала свою Курскую дружину, говорит (*Слово о полку Игореве*, стр. 8): «а мои Куряни свѣдоми кѣмети»: кметями назывались слуги и дружина: см. ниже, примеч. 272.

О том, что Карамзин, делая свой перевод-пересказ «Слова о полку Игореве», принимал во внимание и использовал перевод первого издания, свидетельствует и ряд других пассажей его перевода. В первом издании слово «звенить» во фразе «звенить слава въ Киевѣ» переделывается в переводе на «гремит». Карамзин также в своем переводе ставит в этом месте слово «гремит». Фраза оригинала «стоять стязи въ Путивлѣ» в первом издании передается следующим образом: «развевают знамена в Путивле». Карамзин так пересказывает этот отрывок: «знамена развеваются в Путивле». Слова «подъ трубами повити» в первом издании переделываются в переводе на «под звуком труб они повиты». Карамзин, вслед за переводом первого издания, в своем переводе тоже пишет: «под звуком труб повиты».

Все эти факты свидетельствуют о том, что Карамзин, наиболее сведущий, чем кто-либо другой в начале XIX в. в вопросах древнерусской истории, относившийся весьма строго к публикациям и переводам древнерусских текстов (достаточно обратить внимание на его многочисленные рыскавания и замечания в «Истории» по мусин-пушкинским изданиям «Русской Правды» и «Поучения» Владимира Мономаха), очень высоко ставил первое издание «Слова о полку Игореве» как с точки зрения публикации в нем текста «Слова», так и с точки зрения перевода первых издателей.

Как мы могли убедиться выше, Карамзин не был связан с первоначальным изучением, комментированием и переводом «Слова», не принимал никакого участия в работе мусин-пушкинского кружка над «Словом о полку Игореве». Его мнение и его оценка «Слова о полку Игореве» была совершенно самостоятельной, и он мог объективно подойти ко всем вопросам, связанным со «Словом», с позиций своих собственных представлений по истории древнерусской письменности. Как совершенно справедливо отметил Боню Ст. Ангелов, использование Карамзиным в своей «Истории» своих собственных выписок из рукописи «Слова о полку Игореве» «свидетельствует о доверии Карамзина к самой рукописи, безоговорочно используемой им для своих научных целей».¹¹ Отношение Карамзина к первому изданию «Слова» говорит о том, что он не сомневался в научной добросовестности и ценности этого издания. Такое отношение как к самому

¹¹ Боню Ст. Ангелов. Заметки о «Слове о полку Игореве». — ТОДРЛ, т. XVI. М.—Л., 1960, стр. 56.

памятнику, так и к его изданию современника открытия рукописи «Слова», видевшего эту рукопись и делавшего из нее выписки не только из текста «Слова», но и из других текстов, встречающихся в ней, никак не связанного с обстоятельствами открытия этой рукописи и первоначальной работой над ней, является весьма важным подтверждением подлинности «Слова о полку Игореве». Тем более, что это был Н. М. Карамзин, наиболее эрудированный для своей эпохи в вопросах древнерусской истории, в научной честности и добросовестности которого у нас нет никаких оснований сомневаться.
